

**СЛАНЦЕВЫЕ РУДНИКИ ПОВОЛЖЬЯ
В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1930-х гг.)**

© 2010 Е.В. Воейков

Всероссийский заочный финансово-экономический институт, г. Пенза

Поступила в редакцию 17.11.2009

Горючие сланцы являлись новым видом топлива в Поволжье в годы первых пятилеток. На рудниках существовали проблемы продовольственного снабжения, общественного питания, жилищной сферы, что приводило к текучести и недостатку рабочих на рудниках. Горючие сланцы являлись низкокалорийным топливом, требующим для своего сжигания особых топок и решения вопроса вывоза большого количества золы. Эти обстоятельства препятствовали массовому переходу потребителей Поволжья на данный вид топлива. Итогом перечисленных трудностей стало регулярное невыполнение планов сланцевыми рудниками и отсутствие роста добычи на протяжении всей второй половины 1930-х гг. Ключевые слова: горючие сланцы, продовольственный вопрос, жилищная проблема, Кашпирский рудник, Савельевский рудник, Буинский рудник.

Месторождения горючих сланцев в России были известны с XVIII в. В годы Первой мировой войны разрабатывались проекты использования данного вида топлива. Но начать добычу горючих сланцев удалось только в разгар Гражданской войны. Острый топливный кризис позволил быстро перейти от стадии проектов к практической реализации. В 1919 г. началась промышленная разработка обнаруженных залежей горючих сланцев в Петроградской губернии (Веймарнский рудник) и Поволжье (Ундоровский и Кашпирский рудники)¹. Затем экономические трудности НЭПа привели к закрытию сланцевых рудников в середине 1920-х гг.

О горючих сланцах снова вспомнили в период первых пятилеток. Массовое строительство новых предприятий сразу же выявило недостаток существующих объемов добычи основных видов топлива (нефти и каменного угля) и перегруженность недостаточно развитой сети железных дорог. Поэтому был взят курс на повсеместное внедрение местных видов топлива. По всей стране уже в 1930–1931 гг. произошло резкое увеличение объемов заготовок дров и торфа². Поволжье и Ленинградская область располагали, помимо указанных видов местного топлива, еще и крупными месторождениями горючих сланцев. Запасы данного вида топлива в Поволжье действительно впечатляли. На середину 1930-х гг. месторождения в Поволжье (с севера на юг) определялись в размере: Буинское (Чувашия) – около 160 млн. тонн, Ундоровское (севернее Ульяновска) – 400 млн. тонн, Кашпирское (Сызрань) – около 100 млн. тонн, Савельевское (восточнее Саратова,

в 30 км к югу от города Пугачёв) – 460 млн. тонн, Общий Сырт (на границе современных Самарской, Саратовской, Оренбургской областей и Казахстана) – от одного до десяти миллиардов тонн³.

В своих мероприятиях по развитию сланцевой промышленности Советский Союз был не одинок в мире. За границей в первые десятилетия XX века добычу сланцев вела, например, Великобритания (Шотландия; максимальная добыча была достигнута в 1913 г. – 3,3 млн. тонн, в 1933 г. было добыто 1,4 млн. тонн). На рубеже 1920–1930-х гг. определялись следующие объемы ежегодной добычи других стран: Япония – свыше миллиона тонн, Эстония – около 800 тысяч тонн в год, Германия – 540 тысяч тонн, Франция – 80 тысяч. В большинстве стран этот вид полезных ископаемых использовался для химической переработки с целью получения жидкого топлива (Германия, Япония). В Эстонии сланцы применялись в качестве топлива для промышленности, железных дорог и для получения продуктов химической перегонки (светильного газа, смолы)⁴. По объективным причинам СССР к началу 1930-х гг. не располагал необходимыми производственными мощностями и технологиями для крупномасштабной химической переработки сланцев в горючий газ и сланцевый бензин, как большинство зарубежных стран. Поэтому горючие сланцы в нашей стране в период первых пятилеток использовались для сжигания в специально оборудованных топках в качестве обычного топлива. Только в середине 1930-х гг. вступил в строй Кашпирский сланцеперегонный завод, но объемы его производства были незначительны.

Начало процесса осуществления, выражаясь современным языком, “Большого сланцевого проекта Поволжья” выглядело оптимистичным.

Воейков Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории экономики, политики и культуры. E-mail: evgenijvoejkov@yandex.ru

В 1930 г. начал добычу Кашпирский рудник (район города Сызрань Средне-Волжского края). В 1931 г. к Кашпиру присоединились Ундоровский, Захарьевский (Средне-Волжский край, севернее Ульяновска) и Савельевский⁵ (Ниже-Волжский край) рудники. С 1932 г. в Чувашской АССР началось строительство Буинского рудника⁶. Велись работы по организации сланцедобывающего предприятия на Общем Сырте.

Но развертывание добычи сланцев в районе Ундор, Кашпира, Савельевки уже в 1931–1932 гг. и строительство Буинского рудника столкнулись с громадным количеством самых разнообразных трудностей. Катастрофический недостаток оборудования и стройматериалов, серьезные проблемы практически во всех аспектах бытовой сферы⁷ приводили к тому, что рабочих постоянно не хватало, и намеченные планы хронически не выполнялись. Рост добычи шел очень медленно и был несопоставим с запланированным уровнем. Сланцевое топливо почти не внедрялось в топливный баланс региона. В 1933 г. на Ундоровском и Захарьевском рудниках из-за отсутствия сбыта сланцев добыча была прекращена. Буинский рудник постепенно превратился в долгострой.

К середине 1930-х гг. постепенно возобладал более практичный подход в решении топливной проблемы региона Поволжья. От попыток решения вопроса наскоком, порывом, в опоре на энтузиазм и административный нажим постепенно начался переход к медленному, постепенному преодолению трудностей, методичной ликвидации “узких мест”. Основными показателями смены курса стали: 1) массовое внедрение новой техники и заметное повышение уровня механизации горнодобывающих и откаточных работ; 2) решение проблемы технологии сжигания и химической переработки сланцев; 3) значительное улучшение вопросов транспортировки сланцеотплива потребителям; 4) медленное, постепенное (часто малозаметное), но неуклонное улучшение условий труда и быта рабочих и служащих.

Первые пятилетки стали временем **внедрения новой техники**. Особенно этот процесс усилился именно во второй половине 1930-х гг. На сланцевые рудники Поволжья стали поступать в заметных количествах отбойные молотки, врубовые машины; на Кашпире с конца 1934 г. подземная откатка вагонеток осуществлялась электровозами. Использование механизмов имело свои проблемы. Оборудование часто выходило из строя, эксплуатировалось с нарушением инструкций и правил техники безопасности. Проверяющие работу рудников инспектора РКИ, инструктора обкомов и дирекция рудоуправлений зачастую возлагали вину на рабочих и служащих, небрежно обращавшихся с механизмами.

У рабочих и инженеров сланцевых рудников был свой взгляд на причины подобного явления. В газетной заметке группа кашпирских шахтеров так характеризовала состояние технического оборудования рудника: “Рудничный транспорт никуда не годится. Стыки рельс не сходятся. Вагонетки не смазаны. Пути проложены вкривь и вкось. Порожняка нет. Обычная картинка в лаге: квалифицированный забойщик бросает кайло и помогает откатчикам катить вагонетки. Вместо одного человека из-за плохих путей ее катят 2–3... Сколько раз мы говорили... что электросверла совершенно изношены, их надо основательно ремонтировать. Положение не изменилось, и немудрено, что вместо 40 бурок за смену мы теперь с трудом делаем 15–20”⁸. На сланцевых рудниках Поволжья остро проявилась типичная для СССР 1930-х гг. проблема почти полного отсутствия запасных частей для замены выходящих из строя деталей и частей механизмов. На февральском 1937 г. партсобрании Кашпирского рудника один из выступавших с горечью заявил: “Мы не имеем у себя основных материалов, несмотря на наши заявки... Мы не имеем ни цепей, ни электросверл, ни изоляционных материалов”⁹. В 1937 г. из двух электровозов на Кашпире работал только один, с производительностью, составлявшей 69% плановой; причинами неудовлетворительной работы электровоза в отчете назывались “отсутствие аккумуляторных батарей и малая мощность динамо-машины для зарядки”¹⁰. Но проблемы постепенно решались. К началу 1940-х гг. уровень технической оснащенности Кашпирского рудника значительно вырос, работу электровозов наладили, ежегодно повышалась производительность врубмашин¹¹.

Хуже всего ситуация с использованием техники к концу рассматриваемого периода обстоит на Савельевке, где в 1940 г. из восьми имеющихся врубмашин работали только четыре¹². В докладной записке уполномоченного партийного контроля по Саратовской области от 4 мая 1941 г. приводились следующие факты о работе Савельевского рудника: “В первом квартале 1941 года из 13 тяжелых врубовых машин работали 7; из 5 отбойных молотков ни один не работал; из 12 конвейерных приводов работали только 11. Вагонеточным парком рудник обеспечен недостаточно. В шахте №1 вместо 170 вагонеток имеется только 70, в шахте №2 вместо 120 имеется 40 вагонеток”¹³.

Условия работы в шахтах в некоторых случаях оказывались слишком экстремальными даже для не избалованных излишним комфортом российских людей 1930-х гг. Вот что увидел в феврале 1937 г. на Савельевском руднике, спу-

стившись в шахту, сотрудник областной газеты М. Парфёнов: "...рабочие-крепыльщики, стоя по колено в воде и грязи, работали в рваных ботинках и рваной спецовке при чрезвычайно холодной температуре. А в это время с потолка и со стен шахты лилась вода. Администрация не находит средств для приобретения сапог, плащей, ссылаясь на отсутствие денег"¹⁴. В протоколе слета стахановцев, ударников, ИТР Кашпирского рудника от 31 декабря 1937 г. – 2 января 1938 г. отмечалось: "Недостаточно было поставлено снабжение рабочих спецодеждой, в особенности плохо было с получением рукавиц"¹⁵. Не отставали в плане плохой организации труда от своих кашпирских коллег и руководители Буинского рудника; в начале 1940 г. при работе под землей в сырых местах шахтерам не выдавали резиновые сапоги, при этом для рабочих на поверхности сапоги у администрации нашлись¹⁶.

Традиционными для эпохи первых пятилеток были сложности в вопросе снабжения **продуктами** и организации **общественного питания**. Сланцевые рудники, как правило, располагались около небольших населенных пунктов. Поэтому регулярное поступление продовольственных товаров в магазины и ларьки, наличие столовой с удлинённым графиком работы становились для многих рудничных рабочих важным условием нормального режима питания. Необходимо также принять во внимание типичный для 1930-х гг. хронический дефицит ряда продовольственных товаров, которые поступали в торговую сеть нерегулярно, с перебойми. Выступая на февральском 1937 г. партсобрании бригадир стахановской бригады приводил следующие факты: "Общественное питание на руднике никуда не годится: пойдешь обедать, ждешь два часа и не сумеешь пообедать. На пекарне грязь, копоть, хлеб сырой и его не хватает; буфетчицу, которая работает на шахте в ларьке, приходится часто рабочим ходить и будить, а вчера у нее был выходной, и рабочие вынуждены были пойти в шахту без хлеба"¹⁷. Система общепита в 1930-е гг. повсеместно подвергалась критике на самых различных уровнях. Достаточно полистать подшивки газет тех лет. Не стали исключением из общего правила и сланцевые рудники Поволжья. При обсуждении на производственном совещании Кашпирского комбината работы столовой 23 мая 1939 г. выявились те же проблемы, что и поднимавшиеся ранее на партсобрании: "продукты приготавливаются невкусно, подача обедов слишком медленная, надо минимум затратить 40–50 минут, пока подойдет официантка"¹⁸. На том же Кашпире недоброкачественный (непропеченный и подгорелый) хлеб стал постоянной темой в рудничной газете¹⁹.

Отдельные моменты в продовольственном вопросе на Савельевке копировали проблемы Кашпира, о чем говорилось на партсобрании 10 января 1937 г.²⁰ Перебои с поступлением продовольствия зафиксированы в архивных документах и весной 1939 г.; так, в частности, управляющий рудником сообщал в обком, что в магазинах на руднике "мясо, масло, яйца, имеющиеся в районе, отсутствуют совершенно"²¹. Проблемы общественного питания стояли на Савельевке еще острее, чем на Кашпире. Присутствовавший на совещании партийно-хозяйственного актива рудника 6 апреля 1938 г. секретарь Саратовского обкома Калачёв поделился с присутствовавшими своими впечатлениями от столовой: "...зашли туда, где посуду моют, и туда, где пищу готовят... В столовой возмутительные вещи творятся: грязь там, где готовят пищу. Подают колбасу, но не подают вилку, и люди, пришедшие с работы, берут грязными руками эту колбасу. А там, где посуду моют, то в этой воде можно было бы вымыть 5–6 полов, и она не была бы такой грязной"²². Работа столовой в значительной степени так и не улучшилась вплоть до начала войны. В объяснительной записке к годовому отчету Савельевского рудоуправления за 1940 г. имеется фраза: "Совершенно неудовлетворительно было организовано... общественное питание"²³.

На строящихся сланцевых предприятиях ситуация была еще хуже. В августе 1940 г. на Озинском руднике инструктор обкома Д. Ковалёв увидел следующую картину: "В общей недоделанной столовой в уголке кое-как наспех сделана маленькая столовая, где грязно, тесно, питание плохое и с высокими ценами. В сельпо, кроме черного хлеба, больше ничего нет"²⁴. Более подробно динамику эволюции продовольственной проблемы можно проследить по сланцевому предприятию в Чувашской АССР. В августе 1937 г. комиссия на Буинском руднике констатировала следующее: "Снабжение и торговля на руднике поставлены плохо, хлеба, муки, рису, пшена – ничего нет. Завларьком работает Воронин, снятый за пьянство с должности председателя промартели "Красный строитель"²⁵. Время от времени ситуация незначительно улучшалась, как это произошло, например, осенью 1939 г., когда после поступления в обком жалобы шахтеров и публикации в газете "Красная Чувашия" заметки "Возмутительный случай" Ибресинский райком, получив соответствующие указания от обкома, взял под контроль ситуацию на руднике. Столовая и пекарня были отремонтированы, мука выделена на квартал в достаточном количестве, для рабочего снабжения выделялись картофель, капуста, колбаса²⁶. Но периодические "всплески" пристального внимания обкомов и райкомов к проблемам сланцевых руд-

ников могли решить вопрос только на определенный временной промежуток. Общая неблагоприятная ситуация в стране с продовольственным снабжением и сложности в подборе профессиональных руководящих кадров всех уровней порождали хронические проблемы, не решавшиеся годами и десятилетиями. Поэтому и на Буинском руднике вскоре все вернулось к прежнему состоянию всеобщего хаоса и тотального дефицита (в 1940–1941 гг. опять начались перебои с мукой, крупой, маслом, картофелем и даже солью)²⁷.

Как видно из приведенных примеров, во многом состояние продовольственного вопроса определялось уровнем профессионализма работников торговли и общепита (то есть не объективными обстоятельствами нехватки продовольствия по всей стране, а субъективными факторами плохой работы конкретных исполнителей на определенных участках). Морально-нравственный и культурный облик работника советской торговли повсеместно стал постоянной темой критических газетных заметок еще в период НЭПа; в 1930-е гг. ситуация не улучшилась. Сланцевые рудники Поволжья не стали исключением из общего правила (в архивных документах упоминаются случаи пьянства и грубости продавцов)²⁸.

Таким образом, продовольственную проблему на сланцевых рудниках решить полностью не удалось вплоть до начала войны. Но при более тщательном анализе всех приведенных выше фактов можно отметить и определенную положительную тенденцию. Если в начале 1930-х гг. продукты в магазины поселков сланцевых рудников могли не завозить месяцами, причем долгожданное поступление могло достигать 30–50% от необходимого количества²⁹, то теперь речь шла уже об отдельных днях, в крайнем случае, неделях. Рабочих и служащих рудников теперь уже не устраивали нарушение технологии выпечки хлеба, недостаточный ассортимент продуктов в магазине, скудный выбор блюд и медленное обслуживание в столовой. И хотя, безусловно, по меркам сегодняшнего дня ситуация с питанием людей в рассматриваемый период была ужасающей, нельзя отрицать наличия в течение второй половины 1930-х гг. определенных сдвигов к лучшему.

Жилищные условия на сланцевых рудниках, как и продовольственный вопрос, были постоянным объектом критики со стороны работников рудников и приезжающих с проверками инструкторов обкомов, корреспондентов газет. Следует отметить, что на рудниках очень долго сохранялись землянки, которые начали строить в начале 1930-х гг. из-за катастрофической нехватки жилого фонда. В конце 1936 г. на Саве-

левском руднике 2178 человек (рабочие и члены их семей) жили в коммунальных домах, 1144 – в полуземлянках³⁰.

Традиционной проблемой жилья 1930-х гг. было наличие в них насекомых-паразитов. Особенно сильно это проявлялось на строящихся сланцевых предприятиях. В докладной записке от 30 августа 1937 г. по результатам обследования Буинского сланцевого рудника отмечалось: “В общежитиях клопы. Даже во время собрания 28 августа с.г. члены президиума друг с друга ловили клопов и карандашом на столе давили их”. В 1940 г. здесь в этом отношении почти ничего не изменилось; в докладной записке, направленной в Ибресинский райком инструктором райкома и председателем райплана, констатировалось: “В общежитиях клопы и неблагоустроенность”³¹. Побывавший на строительстве Озинских сланцевых рудников в январе 1941 г. корреспондент саратовской газеты “Коммунист” С.Бутылин был поражен особым даже для человека той эпохи “комфортом” проживания: “Во втором общежитии громадное количество клопов. Живущий в этом же бараке комендант Евграфов... не принимает никаких мер к их уничтожению...”³²

Кроме насекомых-паразитов существовали и другие сложности. Комиссия, обследовавшая строительство Буинского рудника в августе 1937 г., в своем заключении приводила факты отсутствия постельных принадлежностей у отдельных рабочих на протяжении нескольких месяцев. Кроме того, указывалось, что “в общежитиях грязь, помещения к зиме не приспособлены, воды кипяченой нет”³³. Зимой 1934–1935 гг. корреспондент журнала увидел состояние жилых помещений Кашпирского рудника в следующем виде: “Многие общежития и квартиры не имеют до сего времени вторых рам, в ряде же комнат отсутствуют не только вторые рамы, но и стекла в первых рамах. Отверстия залеплены газетой или забиты фанерой... Потолки не промазаны и не засыпаны, поэтому во время буранов через отверстия около печей наметает снег. В коридорах, как правило, нет света. В большинстве квартир грязь, антисанитария. Углы и печи изобилуют огромным количеством тараканов, стены и кровати богаты клопами. Не у всех есть матрацы и постельные принадлежности – на кроватях грязные дерюги. В квартирах рубят дрова и сланец, разрушая полы зданий. Лестницы и коридоры не убираются. Полы в комнатах грязные. Мусор неделями не убирается. Топливо не подвозится. В квартирах холод, печи не имеют задвижек и дверок. Много детей болеет”³⁴.

Проблемы жилищной сферы в период первых пятилеток так и не удалось полностью решить. Так, в частности, в протоколе совещания

хозяйственного актива Кашпирского рудоуправления от 1 февраля 1941 г. по итогам работы за 1940 г. в качестве одной из причин невыполнения плановых показателей называлось “неудовлетворительное состояние жилищно-бытовых условий, недостаток жилищ для семейных рабочих, плохое снабжение топливом... и неудовлетворительное проведение ремонта жилищ”³⁵.

Благоустройство рабочих поселков также имело свои проблемы. Наиболее серьезной из них стало наличие значительных залежей сланцевой золы, образовывавшейся в большом количестве от сжигания данного вида топлива в домашних печах. В наибольшей степени от невывезенной сланцевой золы страдали наиболее крупные Кашпирский и Савельевский рудники. Попытки решить вопрос периодически предпринимались; так, в частности, к 1 мая 1935 г. на Савельевке использовали около 9 тысяч тонн золы для устройства специальных зольных тротуаров протяженностью около 4-х тысяч метров; кроме того, поселок был озеленен³⁶. Но, судя по сохранившимся архивным документам, этих мероприятий хватило ненадолго. Заведующий облкомхозом в докладной записке в облисполком (получена 13 июля 1937 г.) обращал внимание на ряд проблем Савельевки: “Поселок почти не имеет зелени и хотя бы профилированных дорог. Зола, после сжигания сланцев в жилищах, выбрасывается прямо на улицу. Все это вместе взятое при малейшем ветре вызывает тучу пыли”³⁷. Как будто то же самое место описывает корреспондент газеты в заметке 1936 г. про поселок Кашпирского рудника: “На всей территории рудника, завода и поселка нет ни одного деревца, сквера, газона, клумбы. Зелень не радует там человеческий глаз. Зато всюду кучи сланца, породы, мусора, грязи...”³⁸.

Но, несмотря на все перечисленные недостатки, по сравнению с первой пятилеткой состояние жилищной сферы во второй половине 1930-х гг. по ряду параметров улучшилось. Во-первых, удалось постепенно создать определенный жилищный фонд, обеспечив жильем основную массу рабочих. Во-вторых, постепенно (хотя и очень медленно) повышалось качество жилья: улучшилась конструкция домов (уже не строились бараки из низкосортной древесины с промерзающими стенами, как в начале 1930-х гг.), более качественно и регулярно стал проводиться ремонт. В документах конца 1930-х гг. уже не встречаются фразы типа “жить в бараках почти невозможно” и “проживание в бараках на Кашпире чрезвычайно опасно для здоровья”, как это констатировалось ревизионной комиссией, обследовавшей Кашпирский рудник в 1931 г.³⁹ Кроме того, развивалась инфраструктура рудничных поселков. В годовом отчете “Союзсланца” за 1936 г. указы-

валось, что “на всех рудниках развернули работу прачечные и бани”. В отчете Савельевского рудоуправления за 1940 г. отмечалось: “...имеющиеся баня и парикмахерская своей пропускной способностью в отчетном году удовлетворяли запросы трудящихся”⁴⁰.

Результатом плохих бытовых и производственных условий стала **текучесть кадров** на сланцевых рудниках. Внештатный инструктор Куйбышевского крайкома в докладной записке 4 октября 1936 г. приводил следующие данные по текучести на Кашпирском руднике: “...так, например, по шахте за 1-й квартал убыло 336 человек, за 2-й квартал – 469 человек, за июль месяц – 128 и за август – 217 человек”⁴¹. Побывавший на Савельевском руднике сотрудник газеты в своей докладной записке приводил следующие показатели: в III квартале 1936 г. прибыло 201 человек, убыло 119, в IV квартале прибыло 528 человек, убыло 482⁴². Рабочих хронически не хватало. В объяснительной записке к годовому отчету “Союзсланца” за 1937 г. отмечалось, что Савельевская шахта была обеспечена рабочей силой только на 60,6%⁴³. На строящемся Озинском руднике летом 1940 г. находилось 237 человек (вместо 415 по плану), при этом за первое полугодие было принято на работу 159 человек, а уволено 178 человек⁴⁴. Всесоюзный журнал сланцевой промышленности писал по этому поводу: “Вредное влияние такой большой текучести на производственную работу рудника не нуждается в объяснениях: незнакомый с рудничной жизнью и непривычный к подземной работе рабочий, в большинстве случаев вчера только пришедший из колхоза и начинающий квалифицироваться и повышать свою производительность, после 2–3 месяцев пребывания на руднике заменяется новой волной новичков, которым заново приходится акклиматизироваться и обучаться”⁴⁵.

При анализе **результатов производственной деятельности** рудников в первую очередь явно бросается в глаза слишком медленный рост добычи данного вида топлива, точнее, почти полное отсутствие такового. В 1935 г. Кашпирский рудник добыл 160,5 тысячи тонн, Савельевский – 78,5 тысячи тонн сланца. В 1936 г. эти показатели составили 200,6 и 66,8 тысячи тонн соответственно⁴⁶. К концу рассматриваемого периода добыча по Кашпирскому руднику только незначительно превысила уровень двухсот тысяч тонн в год (215,6 тысячи тонн в 1939 г., 201,3 тысячи в 1940 г.), на Савельевке этот показатель остался на уровне семидесяти тысяч (72 тысячи в 1939 г., 78,5 тысячи тонн в 1940 г.)⁴⁷.

Не удалось до войны вывести на проектную мощность Буинский рудник (2,7 тысячи тонн сланца в 1939 г. вместо запланированных 38 ты-

сяч и 21,7 тысячи тонн в 1940 г. вместо 46 тысяч плановых)⁴⁸. Озинский рудник должен был начать добычу сланца в 1940 г., но осуществить это не удалось даже в 1941 г. (затем, в последующие годы, трудности военного периода затормозили пуск данного предприятия еще на несколько лет).

Как и в период Гражданской войны, серьезной проблемой продолжало оставаться **потребление сланца (доставка потребителям и сжигание)**. Во многом незначительный масштаб применения сланцевого топлива в Поволжье начала 1920-х гг. и кризис сбыта сланцевых рудников 1922–1923 гг. были обусловлены именно сложностями доставки этого топлива потребителям. Железных дорог в районе сланцевых рудников до 1922–1923 гг. не было, сланец транспортировался баржами в период навигации по Волге. В 1930-е гг. география размещения сланцевых рудников в Чувашии и Саратовской области изначально снимала эту проблему: Буинский рудник располагался вблизи одноименной железнодорожной станции, Савельевка находилась в районе станции Рукополь Рязано-Уральской железной дороги, строящийся Озинский рудник был заложен около станции Озинки той же железной дороги. Значительным успехом в деле решения транспортного вопроса в Средне-Волжском крае стала постройка железнодорожной линии Сызрань – Кашпир протяженностью 44,5 км (введена в строй к 7 ноября 1934 г.)⁴⁹. Крупное месторождение сланцев – Общый Сырт – на границе Саратовской области и Казахстана в 1930-е гг. так и не начали эксплуатировать (несмотря на многочисленные проекты экономистов в начале 1930-х гг.) во многом из-за значительной удаленности (80 км) от ближайшей станции железной дороги⁵⁰.

После решения транспортной проблемы все основные трудности в сфере использования сланцев сосредоточились в области технологии их сжигания. Горючие сланцы традиционно характеризовались исследователями того периода как низкокалорийное топливо. Теплотворная способность сланцев определялась различными исследователями в границах от 1200 до 2600 калорий⁵¹. Для сравнения: эти показатели для другого местного топлива в Поволжье – торфа – колебались на наиболее крупных месторождениях в Саратовской, Куйбышевской областях и в Чувашии от 2300 до 4600 калорий (в среднем примерно 3200)⁵². Теплотворная способность торфа примерно соответствует сухим дровам. Поэтому изначально при массовом развешивании в Поволжье с начала 1930-х гг. заготовок дров и торфа у горючих сланцев при прочих равных условиях были более слабые позиции. Ситуация усугублялась тем, что сжигание сланца требовало топок особой конструкции, при кото-

рой осуществлялись хороший поддув воздуха (иначе горение прекращалось) и периодическое удаление накопившейся золы (зольность сланцев колебалась в границах от 45% до 65%, то есть примерно половина от массы топлива уходила в отходы). Окончательно конструкции сланцевых топок были доработаны только во второй половине 1930-х гг., когда данный вид топлива в Поволжье уже был достаточно сильно скомпрометирован неудачными попытками его сжигания в топках обычной конструкции. После решения вопроса с топкой для предприятия неумолимо возникала проблема вывоза быстро накапливающихся запасов сланцевой золы.

Руководители промышленных предприятий и учреждений Поволжья, быстро увидевшие все сложности применения сланцевого топлива, заняли за редким исключением позицию категорического его неприятия. Чаще всего внедрение в отопление ненавистных для местных хозяйственников сланцев им удавалось парализовать затягиванием процесса переоборудования старых и установки новых топок. Иногда предприятия отказывались брать низкокалорийный, загрязненный пустой породой сланец⁵³. В период первой пятилетки по Средне-Волжскому краю удалось разместить по потребителям в 1931 г. из 72 тысяч тонн добытых сланцев только 39 тысяч, в 1932 г. из 119 тысяч тонн – 63 тысячи⁵⁴.

Даже если потребитель находился и сланцы для него имелись в достаточном количестве, это еще не означало полного решения вопроса для обеих сторон. Могли возникнуть и возникали сложности с железной дорогой. Работник промышленного отдела Куйбышевского крайкома Ф. Романов, посетивший по заданию заводделом в конце 1936 г. Кашпирский рудник, сообщал в своей докладной записке, что вместо запланированной ежемесячной отгрузки 460 вагонов вывозится только 60⁵⁵. В 1940 г. план отгрузки потребителям кашпирского сланца был выполнен только на 64,4%⁵⁶. Долго лежащий под открытым небом сланец начинал постепенно портиться (крошиться, терять калорийность), что вызывало серьезные нарекания использовавших его предприятий и организаций.

Но, несмотря на все трудности, сланцевое топливо постепенно внедрялось в топливный баланс региона. С начала 1930-х гг. путем административного нажима на отопление сланцем перевели только в городе Сызрани 1112 голландских печей и плит организаций (здравотдел, горно, Дом колхозника и другие) и 1388 печей жилых домов⁵⁷. Уже в середине 1930-х гг. на нем работали в городе Куйбышеве железнодорожный ремонтный завод (Сажерез), толево-рубериодная фабрика, завод киноаппаратуры (КинАп),

швейные фабрики №1 и №2, кирпичный завод №4 и мельница №5; во второй половине 1930-х гг. к этому перечню добавились еще алебастровые заводы. Крупным успехом стал перевод в 1937 г. на горючие сланцы крупнейшего их потребителя в Поволжье – Саратовской ТЭЦ, которая использовала как савельевские, так и кашпирские сланцы⁵⁸.

Подводя **итоги деятельности** сланцевых рудников Поволжья во второй половине 1930-х гг., можно констатировать как несомненные успехи, так и серьезные недостатки в их работе. В середине 1930-х гг. в Поволжье функционировали два сланцевых рудника: Кашпирский в Куйбышевской области и Савельевский в Саратовской области. К концу рассматриваемого периода вошел в строй третий сланцевый рудник Поволжья – Буинский (в Чувашии) и велось строительство еще одного – Озинского (в Саратовской области). Возрос уровень механизации работ по добыче сланца. К рудникам были подведены железнодорожные ветки, что позволило решить вопрос транспортировки сланцев в принципе. Постепенно разрабатывались и внедрялись новые усовершенствованные конструкции сланцевых топок, потребители привыкали к новому виду топлива. Значительным достижением стал перевод в 1937 г. Саратовской ТЭЦ на сланцевое топливо. Удалось начать использование сланцевой золы для производства строительных материалов. Таким образом, налицо был явный прогресс в реализации общего курса руководства страны на повсеместное внедрение местных видов топлива и активное использование горючих сланцев в Поволжье.

Но наряду с достижениями следует отметить серьезные проблемы сланцевой отрасли в стране и Поволжье. Проекты начала 1930-х гг. о ежегодной добыче в Поволжье горючих сланцев на уровне миллионов тонн остались мечтами⁵⁹. Несмотря на многочисленные прогнозы и рекомендации специалистов сланцевого дела, в предвоенный период так и не приступили к освоению наиболее крупного месторождения горючих сланцев Поволжья и страны в районе Общего Сырта. Прекратилась добыча на Ундровском месторождении. Не удалось полностью решить проблемы создания благоустроенного жилья для рабочих, снабжения продовольствием и общественного питания. Руководители на местах не смогли достаточно твердо и последовательно провести в жизнь установки начала 1930-х гг. о приоритетном развитии в регионе именно добычи сланцев с сокращением потребления древесного и дальнепривозного угольного и нефтяного топлива. Тем самым был упущен неплохой шанс обеспечить для Куйбышевской и Саратов-

ской областей в годы войны стабильную местную топливную базу.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Деятельность Главного сланцевого комитета // Народное хозяйство. 1921. №5. С. 108–110. Станция Веймарн расположена в районе города Ямбург (в 1922 г. переименован в Кингисепп). Населенный пункт Ундоры расположен севернее Ульяновска в Ишеевском районе современной Ульяновской области. Населенный пункт Кашпир расположен в Сызранском районе современной Самарской области к югу от Сызрани.
- ² Подробнее о заготовках дров и торфа в Поволжье 1930-х гг. – см.: *Воейков Е.В.* Пензенский леспромхоз в годы первых пятилеток // Актуальные проблемы исторической науки: Международный сборник научных трудов молодых ученых / Под общей редакцией О.В. Ягова. Вып. 5. Пенза, 2008. С. 195–197; *Воейков Е.В.* Проблема автотранспортного обеспечения на лесозаготовках Среднего Поволжья в годы первых пятилеток // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Том 11. №6(32). С. 153–155; *Воейков Е.В.* Условия труда и быта рабочих местной топливной промышленности Среднего Поволжья в годы первых пятилеток (на примере торфяной отрасли) // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск “Актуальные проблемы истории, археологии и этнографии”. 2006. С. 197–205.
- ³ *Бакин Н.А.* Пятилетка по разведкам на горючие сланцы // Нижнее Поволжье (орган плановой комиссии Нижне-Волжского края). 1932. №10–11. С. 77; *Китаевич С., Жданов М., Карелин М.* Новые топливные районы СССР. М., 1937. С. 187–188; *Медведев П.А.* Сланцы как топливо. М. – Самара, 1933. С. 10, 15, 21; *Шварц И.* Сланцевая промышленность в 1932 г. М., 1932. С. 7.
- ⁴ *Китаевич С., Жданов М., Карелин М.* Новые топливные районы СССР. М., 1937. С. 182–183; *Хисин.* Успехи эстонской сланцевой промышленности в приложении к волжским сланцам // Среднее Поволжье (орган плановой комиссии Средне-Волжского края). 1930. № 6–7. С. 18–25.
- ⁵ Населенный пункт Савельевка расположен в Краснопартизанском районе современной Саратовской области (райцентр Горный).
- ⁶ Населенный пункт Буинск расположен в Ибресинском районе современной Чувашской Республики.
- ⁷ Подробнее см.: *Воейков Е.В.* Организация питания сезонных рабочих Среднего Поволжья в годы первых пятилеток // Проблемы истории сервиса: здравоохранение, культура, досуг. Всероссийская научная конференция. Сб. научных статей. М., 2004. С. 261; *Воейков Е.В.* Условия труда и быта сезонных рабочих на местных заготовках топлива Среднего Поволжья в первой половине 1930-х гг. // Исторические записки. Межвузовский сборник научных трудов / Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского. Вып. 5. Пенза, 2001.
- ⁸ Ответ кашпирских шахтеров орденосцу Никифору Матвееву // Волжская Коммуна (орган Куйбышевского крайкома, крайисполкома, крайпрофсовета, Куйбышевского горкома и горсовета). 1936. 16 мая.
- ⁹ Самарский областной архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1141. Оп. 36. Д. 232. Л. 13.
- ¹⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 660. Оп. 1. Д. 721. Л. 8.
- ¹¹ РГАЭ. Ф. 8701. Оп. 1. Д. 176. Л. 17.
- ¹² РГАЭ. Ф. 8701. Оп. 1. Д. 178. Л. 5 об.
- ¹³ Государственный архив новейшей истории Саратовс-

- кой области (ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 2463. Л. 25.
- ¹⁴ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1155. Л. 104.
- ¹⁵ РГАЭ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 733. Л. 35.
- ¹⁶ Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИЧР). Ф. 88. Оп. 1. Д. 262. Л. 8.
- ¹⁷ СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 36. Д. 232. Л. 6.
- ¹⁸ *Грабовский П.* Сделать столовую образцовой // Кашпирский горняк (орган партбюро Кашпиркомбината, поселкового совета и рудкома угольщиков). 1939. 3 июня.
- ¹⁹ *Леньков.* Выпечка хлеба недоброкачественная // Кашпирский горняк. 1940. 28 января; *Трушин А.* Качество хлеба надо улучшить // Там же. 1939. 18 сентября.
- ²⁰ ГАНИСО. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.
- ²¹ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2104. Л. 3 об.
- ²² ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1451. Л. 69.
- ²³ РГАЭ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 178. Л. 18.
- ²⁴ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2104. Л. 20.
- ²⁵ ГАСИЧР. Ф. 1. Оп. 18. Д. 324. Л. 44 об.
- ²⁶ ГАСИЧР. Ф. 88. Оп. 1. Д. 221. Л. 12.
- ²⁷ ГАСИЧР. Ф. 1. Оп. 21. Д. 334. Л. 20; Ф. 88. Оп. 1. Д. 262. Л. 14.
- ²⁸ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1708. Л. 18.
- ²⁹ Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 1050. Л. 166; Д. 1079. Л. 169. Подробнее см.: *Воейков Е.В.* Организация питания сезонных рабочих Среднего Поволжья в годы первых пятилеток // Проблемы истории сервиса: здравоохранение, культура, досуг. Всероссийская научная конференция. Сб. научных статей. М., 2004. С. 261.
- ³⁰ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1155. Л. 32.
- ³¹ ГАСИЧР. Ф. 1. Оп. 18. Д. 324. Л. 44; Ф. 88. Оп. 1. Д. 262. Л. 14.
- ³² ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2478. Л. 4.
- ³³ ГАСИЧР. Ф. 1. Оп. 18. Д. 324. Л. 44, 45.
- ³⁴ *Феоктистов Д.* В поход за лучший быт, за культуру // Горючие сланцы. 1935. №1. С. 14.
- ³⁵ РГАЭ. Ф. 8701. Оп. 1. Д. 176. Л. 2 об.
- ³⁶ *Феоктистов Д.А.* О культурно-бытовом и санитарном благоустройстве сланцевых рудников // Горючие сланцы. 1935. №5. С. 34.
- ³⁷ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1155. Л. 183.
- ³⁸ *Ковач И.* Поселок Кашпир // Волжская Коммуна. 1936. 20 мая.
- ³⁹ РГАЭ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 482. Л. 10, 275. Аналогичные случаи с промерзанием стен имели место и на Ундоровском руднике в 1932 г. (Наказ ударников сланца // Пролетарский путь. 1932. 17 января.)
- ⁴⁰ РГАЭ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 680. Л. 70; Ф. 8701. Оп. 1. Д. 178. Л. 18.
- ⁴¹ СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 36. Д. 232. Л. 32.
- ⁴² ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1155. Л. 103.
- ⁴³ РГАЭ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 721. Л. 2.
- ⁴⁴ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2104. Л. 19.
- ⁴⁵ *Именитов С.Г.* Производственные результаты сланцедобывающей промышленности в 1934 г. // Горючие сланцы. 1935. №2. С. 24.
- ⁴⁶ РГАЭ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 680. Л. 14.
- ⁴⁷ РГАЭ. Ф. 8701. Оп. 1. Д. 163. Л. 52, 56; Д. 176. Л. 12; Д. 178. Л. 2.
- ⁴⁸ Данные по Буинскому руднику за 1940 г. даны с января по ноябрь (ГАСИЧР. Ф. 88. Оп. 1. Д. 262. Л. 16).
- ⁴⁹ *Владимирский В.В.* Капитальное строительство на предприятиях Союзсланца в 1934 г. // Горючие сланцы. 1935. № 2. С. 8.
- ⁵⁰ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1708. Л. 46, 51.
- ⁵¹ *Китаевич С., Жданов М., Карелин М.* Новые топливные районы СССР. М., 1937. С. 187-188; *Мальшев В.И.* Горючие сланцы как база электрификации Заволжья // Материалы к проблеме горючих сланцев Нижне-Волжского края. Саратов, 1930. С. 60; *Медведев П.А.* Сланцы как топливо. М.-Самара, 1933. С. 8, 17; *Романов Г.З.* К проблеме использования горючих сланцев Чувашии // Социалистическое строительство ЧАССР. 1934. №2. С. 36-37; *Шишкин В., Слугин А.* О сланцах Савельевского месторождения // Нижнее Поволжье. 1931. № 8-9. С. 66-67.
- ⁵² ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1708. Л. 51-52; *Козулин Ф.* Средневожские торфяники и их использование. М. Самара, 1931. С. 10-11; *Риманов И.* Торф Чувашской республики Татарской ССР // Труд и хозяйство (орган экономсовещания Татарской ССР). 1926. №9. С. 81-82.
- ⁵³ *Дорин Н.* Сланец – в топку! // Пролетарский путь. 1933. 30 января.
- ⁵⁴ Материалы первой средневожской сланцевой конференции 2-5 июля 1933 г. / Под ред. И.Г. Петрова. М.-Самара, 1934. С. 4.
- ⁵⁵ СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 36. Д. 232. Л. 24.
- ⁵⁶ РГАЭ. Ф. 8701. Оп. 1. Д. 176. Л. 23.
- ⁵⁷ Материалы первой средневожской сланцевой конференции 2-5 июля 1933 г. / Под ред. И.Г. Петрова. М.-Самара, 1934. С. 140-141.
- ⁵⁸ ГАНИСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 2104. С. 26-27; *Сапожников И.П.* Использование сланца в промышленных предприятиях Куйбышевского края // Горючие сланцы. 1935. №2. С. 36-37.
- ⁵⁹ Свыше миллиона тонн сланцевые рудники Поволжья начнут добывать только в 1950-е гг., например, в 1955 г. – 1,7 млн. тонн, в том числе Кашпирский – 1,17 млн. тонн (Энергетические ресурсы СССР. Т. 1. Топливо-энергетические ресурсы / Под ред. Н.В. Мельникова. М., 1968. С. 618).

OIL SHALE MINES OF THE VOLGA REGION IN THE PRE-WAR PERIOD (SECOND HALF OF 1930s)

© 2010 E.V. Voeikov

All-Russian Distance Institute of Finance & Economics, Penza Branch

Oil shale was a new kind of fuel in the Volga region in the years of first five-year plans. There were some problems with fuel supply, public catering, living conditions which resulted in turnover and shortage of workforce. Oil shale was a low-calorie fuel which required the construction of special fire-chambers as well as removal of a huge amount of ash. These circumstances hindered mass transition of the Volga region consumers to this kind of fuel. The difficulties mentioned above led to the regular non-fulfillment of the plans and to the lack of output growth through the second half of 1930s.

Key words: oil shale, problems with fuel supply, living conditions, Kashpir mine, Savelevsky mine, Buinsk mine.

Evgeny Voeikov, Candidate of History, Associate Professor, Economical, Political and Cultural History Department.
E-mail: evgenijvoeikov@yandex.ru